

Конь-солнце

рассказ

Уже позднее утро. Солнце начало наконец припекать по-июньски. Воздух тяжел и наполнен запахом сена и свежей травы. Он уже успел накалиться, что дышать тяжело. Старые горы, покрытые ковром смешанного леса, защищают все вокруг. В лучах солнца они будто сияют, отливая изумрудом.

Он стоит и ровно дышит, пока я аккуратно чешу его воздушную гриву. Его сине-черный глаз следит за каждым моим движением, немного недоверчиво. Нетерпеливо начинает грести копытом, переступая с ноги на ногу. Ему не терпится пуститься вскачь.

«Ну, тише. Тише. Потерпи. Колтун у тебя! Видимо ласка постаралась,» – уговариваю его.

На конюшне я опять одна. Но так даже спокойнее. Конюхи в это время в табуне или на покосе. А Сергей Николаевич уехал по своим делам. Хорошо, разрешил взять Плёса, Только приказал, с своей заботливой строгостью, быть осторожней.

Тихо и спокойно. В такие моменты пульс сам собой замедляется, а голова освобождается от тяжелых мыслей. Я не чувствую одиночества, хотя вокруг нет людей.

За мной отовсюду следят десятки глаз. Множество ушей прислушиваются к каждому звуку. Где-то завелась машина. Еще одна ласточка прилетела покормить птенцов. Пара важных куриц шумно разгребают сено. Целый мир, отдельный от всего остального. Поэтому мне нравится это одиночество. Отдых от людей. От суеты большого мира. От выхлопных газов, бесконечного стремления везде успеть. Здесь такого нет. Есть только спокойствие, лошади, каждая из которых – особенная, и я.

Накидываю потрепанный рыжий вальтрап на спину Плёса, легким движением кладу увесистое седло.

Люблю касаться его шеи, чувствовать его дыхание и тепло. Бархат его шерсти щекочет мою ладонь. Лохматая челка лезет ему в глаза, прикрывая маленькую звезду на лбу.

У него всегда был внимательный взгляд. Даже люди не смотрят с таким вниманием и участием.

«Плём, выдохни, немного осталось!» – прилагая все усилия, выдыхаю я. Лошади не любят, когда им подтягивают подпругу. Но как они рады вознаграждению за их терпение.

Большой кусок серебряного сахара громко хрустит за лошадиной щекой. Я, порой, также люблю погрызть рафинад. Особенно на конюшне, где он слаще всего.

Тихо. Шорох и глухое перебирание копытами за стеной. В каптерке холодно. Как и в любое время года. Нос режет запах дегтя и мышей. Но летом прохлада спасает.

Мои перчатки истерлись и порвались в двух местах, а на крагах меняли замки. Каску просто так с собой не таскаю, хотя родители и ругаются. Они всегда волнуются, когда я еду на конюшню. Их беспокоит мое бесстрашие перед лошадьми. Они их немного опасаются. Но я знаю, куда направить эту силу и мощь, которой стоит бояться.

Пока я промешкалась с седлом, солнце поднялось еще выше и стало припекать. Но что меня остановит?

Как привычно держать тугие поводья в руках и ощущать это мерное покачивание, пока мы еще не дошли до дорожки на поле. Длинная шея с пушистой гривой перед моими глазами. Заостренные прядяющие уши.

«Давай пару кругов легкой рысью?»

Он будто соглашаясь, кивает головой.

Легко нажимаю шенкелями о его бока и слабый ветер охлаждает нас двоих, легко развивая волосы.

Сердце ловит его ритм. Высокая трава шуршит от его мягкой пружинистой поступи.

Я люблю срезать круг по высокой траве в поле. Больше ощущение свободы.

На повороте Плес ускоряет ход и поводья нужно держать крепче. На небольшом отрезке прямой его ноги ступают на утоптанную дорожку и я даю ему волю.

Все напряжение уходит окончательно и наступает полная свобода. От мысли и действия. Ты отдаешься потоку скорости.

Пульс учащается, я лгну к его шее, цепляясь руками за раздувшуюся парусом гриву.

Ветер. Свобода. Жар. Жар наших сердец. Ничего не существует более, кроме нас двоих. Я ловлю одну волну с лошадью, мой взгляд в одном направлении, как и желание сердца. Еще больше скорости, еще сильнее, еще выше, что возможно взмыть в небо.

Его ноздри раздуваются. Шея в напряжении вытягивается, она покрыта испариной и вены вздулись тонкими сплетениями.

Ближе к повороту я стараюсь сбавить его ход, тяну за удила. Он нехотя замедляется, задирая шею, сопротивляясь. Он не хочет останавливать движение, но как и я осознает, что передышка всегда необходима после скоростного забега.

В ногах чувствуется легкая дрожь, усталость в руках. Я ослабляю повод и даю Плесу расслабиться. Его мышцы до сих пор в небольшом напряжении, и я это ощущаю. Он опускает голову, чтобы ухватить сочной травы.

«Рысак не должен ходить галопом» – голос Сергея Николаевича проскальзывает у меня в голове.

Мне немного стыдно, но в то же время сладостно. Я маленький бунтарь в огромной системе правил. Плес любит нарушать правила. Мы оба любим.

Как же бывает приятен первый глоток. Он холодной струей успокаивает горло. По всему телу разливается расслабление.

Плес уже успел извалить бока в сене у себя в деннике, пока я убирала амуницию. Покрытая испариной шкура приняла на себя всю мелкую пыль. В гриве запутались соломинки. Он спокойно наблюдал за мной через решетку стойла. Громко жевал сухую траву и тихо вздыхал, иногда кося своим синим глазом, ожидая вознаграждения за упорство. Три куска серебряного сахара и добрая половина сочного яблока. Вторую половину я уже успела с наслаждением съесть.

Мне так спокойно рядом с ним. Ни один человек не может дать такого спокойствия. Весь мир вокруг будто замедлился, делая маленькую скидку нам двоим.

Спокойно дышать и смотреть. Как солнце волшебным образом играет своими нитями в его гриве, создавая ореол света. В этом световом потоке летают маленькие частицы пыли и сена. Плес шумно выдыхает и эти пылинки начинают метаться в воздухе. Как люди, суетясь, боясь не успеть.

Я мягко глажу его шею. Он хлопает длинными ресницами, продолжая хрустеть сеном.

В какой-то момент солнце озаряет весь денник. Я закутываюсь в тепло солнечного потока и прижимаюсь к его теплой груди. Чувствую прилив сил и счастья. Огонь его лошадиного сердца может обжечь, но только не меня. Нужно уметь правильно обращаться с этим пламенем, как с пламенем солнца. Он огненная по-настоящему лошадь.

С того момента прошло уже несколько лет. Я стою на пороге взрослой жизни. Но светлые воспоминания о тех волшебных днях яркими полотнами нарисованы у меня в памяти. Плеса продали в какую-то престижную конюшню, в большой город. Такую лошадь нельзя было не заметить.

Я вспоминаю его с радостью. И скучаю. Он был чем-то большим, нежели «ездовая лошадушка». Он был для меня другом, который слушал и ничего не просил взамен.

Мне остается лишь надеяться, что там ему лучше, чем здесь. Что его так же любят и кормят сладкими яблоками.

Мне кажется, он помнит меня. Такие друзья не предадут.